

ЗАСЛОН × Литрес ≡

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

УБЕЖИЩЕ 2039

ЭНИКА ВИКИНА

Эника Викина
Убежище 2039

«Автор»

2026

Викина Э.

Убежище 2039 / Э. Викина — «Автор», 2026

2039 год. Нейролинзы, кортекс-импланты, квантовый интернет стали частью жизни каждого человека. Но прогресс оборачивается ловушкой. Талантливый студент-нейробиолог Андрей Корнеев получает заветное приглашение на закрытую конференцию. Во время экскурсии в заповедник, вместе с другим студентом-геоинженером Ваней Дядечкиным он попадает в «Убежище» — подземный центр обработки данных, где вместо серверов — криокапсулы с тремя сотнями оцифрованных личностей. «Умная пыль» следит за каждым вздохом. Дроны сканируют каждый шаг. А Демиург — бессмертный создатель этого рая — ищет идеальных «носителей» для своего Архива. Смогут ли Андрей, Ваня и девушка с бионическим интерфейсом Мия взломать систему, которая не прощает ошибок? Ведь в мире, где нет случайностей, единственный способ выжить — внести хаос.

© Викина Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эника Викина

Убежище 2039

Предисловие

Это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия, места, организации, события являются плодами воображения автора. Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

ПРОЛОГ

Озеро было слишком идеальным, будто созданное искусственным разумом.

Вода стояла неподвижно, как расплавленное стекло, отражая неестественно ровную дугу лилового неба и солнечный свет.

Берег устилал бархатистый мох цвета увядшей розы.

Стройные, лишённые коры деревья с серебристыми листьями замерли в безветрии, склонившись над водой.

Тишина.

Не живая, полная шорохов, а мёртвая, глухая, — точно мир накрыли стеклянным колпаком.

У озера на холодном, идеально отшлифованном камне, сидел Андрей Корнеев — высокий молодой человек, с резкими чертами лица и тёмными, слишком внимательными глазами.

Он чувствовал, как любая связанная идея, едва зародившись в мозгу, увязает в этой зеркальной поверхности и гаснет.

Особое, ни с чем не сравнимое чувство пустоты.

Его даже с болью сравнить нельзя.

Боль была его специальностью. А это ощущение выходило за пределы медицинской практики.

Андрей опустился на корточки у кромки воды и провёл пальцами по мху.

Ни микрофлоры. Ни одной бактерии, способной вызвать раздражение.

Даже тактильная отдача была неправильной — мох напоминал скорее ворс на синтетическом коврике в стерильном боксе, чем живой организм.

Он знал, в чём дело.

Этот мир был вычищен до молекулярного уровня.

До квантовых состояний.

Похоже, его создатель панически боится ошибок.

Любого случайного сбоя, неточности, которые могут нарушить этот идеальный мир.

Андрей подобрал гладкий камешек и бросил его в воду.

Камешек мгновенно исчез.

Круги на водяной поверхности даже не появились.

Система оставляла в памяти только те следы, которые были ей предписаны.

«Два месяца. Или шестьдесят два дня, лишённые смысла», — думал он, разглядывая в озере отражение солнца.

«Дома сейчас, наверное, осень. Дождь стучит по подоконнику, кот лежит на тёплой батарее, а на кухне брат режет лук для супа. Настоящий лук, от которого щиплет глаза».

Он сглотнул — комка в горле не было. Здесь даже физиологические реакции стали приглушёнными, будто тело постепенно соглашалось с фальшью.

Рядом, вытянув ноги, сидел Ваня Дядечкин — невысокий, крепкий, с упрямым завитком на макушке.

Он сосредоточенно, с яростным упорством чертил палкой по мху.

Не буквы, не символы — просто линии, борозды, нарушающие безупречный покров.

— Сегодня я бы пошёл на концерт «Криптографа» в «Порт-Сити», — вдруг сказал Ваня, не поднимая головы. Голос прозвучал резко и громко, разорвав тишину. — Билет за полгода выбил. Место у самой сцены. Дождь из конфетти, толпа орёт так, что в груди дрожит... А после — жареные каштаны на вокзале и с первой утренней электричкой домой.

Он ткнул палкой в землю с такой силой, что та сломалась.

— Как думаешь, они вообще понимают, что мы здесь задыхаемся? — голос Ивана прозвучал глухо, без эха. Словно пространство отказалось разносить звук, поглотив его.

Андрей выпрямился и посмотрел на товарища.

— Вряд ли, — ответил он. — Кислород подаётся в достаточном количестве. Альвеолы работают. Ты задыхаешься не от гипоксии. Это сенсорная депривация.

— Умное слово, — хмыкнул Ваня. — А я-то думал, это тоска.

Андрей понимающе кивнул.

Чувство тоски ещё не умерло.

Воспоминания о прошлом приходили как спазм — прокалывали искусственный мир уколom настоящей боли и уходили, оставляя горький привкус.

— У меня лабораторные исследования для диплома должны были начаться, — тихо отозвался Андрей. — По медицине. Все расчёты на планшете дома остались. Руководитель говорил: «Корнеев, вы либо гений, либо сумасшедший». Теперь, наверное, решил, что сумасшедший. Подумал, что я сбежал накануне выпуска.

Он горько усмехнулся.

«Сбежал» — сильно сказано.

Их и не спрашивали.

На запястьях обоих парней, поверх рукавов простых серых комбинезонов, поблёскивали тонкие браслеты — невесомые на вид, из материала, который Андрей так и не смог идентифицировать.

Сейчас браслеты пульсировали мягким зелёным светом.

Он привык к этому свечению за те месяцы, что они провели здесь.

Андрей поймал себя на том, что машинально трёт браслет большим пальцем, надеясь стереть его. Никакого дискомфорта, ни зуда — ничего.

Только тихое, едва уловимое жужжание на грани слуха, когда поблизости пролетал скаут-дрон или приходило сообщение в кортекс.

— Думаешь, они за нами сейчас следят? — он взглянул на своё запястье; скула нервно дёрнулась. — Сидят в своём отсеке и записывают для протокола: «Эмоциональная регрессия, субъекты демонстрируют привязанность к архаичным сенсорным воспоминаниям».

— Не исключено. — Ваня скользнул взглядом по зеркальной воде к противоположному берегу, где начинался такой же безупречный, ненастоящий лес. — Но сейчас, по-моему, им не до нас. Слышал, на южном направлении опять сбой в репликации биосферы. Целый сектор пурпурных папоротников стал кислотно-жёлтым. Как они теперь будут хвастаться перед новыми «гостями»? «Посмотрите на наш идеальный сад»? А там — клякса.

Он хрипло рассмеялся. Звук вышел невесёлым, почти злым.

Их взяли, потому что они «перспективные образцы».

Молодые, здоровые, с устойчивой психикой.

Изучают, как человеческая душа — или то, что они за неё принимают — приживается в раю.

Но их рай... он фальшивый.

Без запаха.

Без риска.

Без трепета от того, что что-то может пойти не так.

Мир, обработанный антисептиком.

Ваня вдруг спросил, глядя прямо перед собой:

— А помнишь, какие сосны в нашем парке? Шишки, белки... А фонтаны? Обычно я подставлял руки под струи, и они разлетались брызгами мне в лицо.

Андрей закрыл глаза и вздохнул.

— Вот ради этого стоит вернуться - ради соснового запаха и брызг.

Они снова замолчали.

Солнце медленно сползло к серебристым вершинам, отливая золотистым персиковым светом.

Картина была поразительной по красоте.

И абсолютно чужой.

Андрей машинально проследил за парой лёгких дронов, похожих на оригами птиц, которые бесшумно скользили над водой по предсказуемой траектории.

Через минуту «птицы» изменили рисунок полёта.

Теперь они кружили не просто так. Они сканировали периметр.

Андрей уже видел такое.

Это была «умная пыль», распределённая сенсорная сеть, собирающая данные не только о физических параметрах, но и о состоянии и биометрии «гостей».

— Похоже, они засекли наш разговор, — сказал он, не повышая голоса. — Или наши гормональные всплески. Или и то, и другое.

Браслеты на их запястьях полыхнули синхронно, теперь уже не бирюзовым, а мягким янтарным светом.

Сигнал.

Вернее - приказ: период «созерцательной адаптации» подходит к концу.

Скоро возвращение в Убежище — на ужин, сбалансированный по микроэлементам, на сон в капсуле с регулируемыми сновидениями.

Они переглянулись.

В их взгляде не было ни страха, ни покорности — только усталость, горечь и твёрдое, немое соглашение.

Соглашение помнить.

Помнить всё то неидеальное, неуклюжее, но настоящее, что делало их людьми: запах лука, щиплющий глаза, вкус жареных каштанов, дождь из конфетти.

Подделкой под рай их не купить.

Они молча встали, отряхнули с комбинезонов призрачную пыль и, не оглядываясь на неподвижную, прекрасную воду, пошли навстречу мягкому зелёному свечению, звавшему их обратно в клетку.

Глава 1

Андрей Корнеев числился в медицинском университете технологий среди «подающих исключительные надежды».

Его научный руководитель, профессор Валентин Николаевич Зимин, смотрел на него с тем особым выражением, какое бывает у коллекционера, обнаружившего редкий экземпляр — не просто ценный, но неожиданный, выпадающий из классификации.

— Ваш анализ нейропластичности микроглии при ранней стадии когнитивных нарушений — это уровень не студенческой работы, а полноценного исследовательского гранта, — сказал Зимин утром, в стерильной белизне лаборатории номер три. Солнце преломлялось в пробирках, за окном пересмеивались студенты. — Чистая логика, нестандартный подход. Вы мыслите не как биолог, Андрей. Вы мыслите как архитектор систем.

— Спасибо, профессор, — пробормотал Андрей, глядя не в восторженные глаза наставника, а на собственную тень, уродливо растянувшуюся по кафельному полу.

Его мысли были далеки от архитектуры систем. В голове до сих пор фонило после вчерашнего — три часа калибровки нейро-интерфейсов для служебных кибер-псов модели «Аргон».

Сырой код, режущие слух цифровые потоки, и эта проклятая овчарка, которая упорно интерпретировала команду «фас» как приглашение поиграть в апорт.

Преподаватель тогда хмыкнул: «У вас талант, Корнеев. Делать киберзверей добрыми».

«Добрыми, — подумал Андрей, выходя из лаборатории в коридор. — Как будто это порок».

Нейролинза — тончайшая контактная пластина, вживлённая в роговицу ещё в школе — слегка нагрелась, сигнализируя о перегрузке кратковременной памяти.

Он отключил прямую загрузку данных и перевёл взгляд на инфопанель, встроенную в стену. Текст поплыл перед глазами.

«Тема: Регенеративные свойства синтетической дермы третьего поколения в условиях повышенной радиации. Научный руководитель — проф. В. Н. Зимин».

Двадцать два года.

Он чувствовал себя старым.

Учёба выжимала соки не столько физически, сколько ментально. Постоянный поток информации, прямая стыковка с базами данных, экзамены, где ошибка означала не «двойку», а мигрень от системы безопасности...

Некоторые не выдерживали. Уходили. Или их «перепрофилировали» — так это называлось в приказах.

Андрей вышел из здания факультета в тихий вечер.

Институт кипел жизнью — группы друзей планировали вечеринки, пары держались за руки, кто-то громко смеялся, рассказывая университетские байки.

Он чувствовал себя невидимым аквариумным стеклом, отделяющим его от мира тепла и звуков.

Его похвалили.

Опять.

И этот успех был таким же нематериальным, как облако — он не преобразовывался ни в дружбу, ни в приглашение на кофе, ни в заинтересованные взгляды студенток.

«В чём дело? — терзался он, направляясь к стоянке аэротакси. — Я не идиот. Не вредный. Вроде нормально выгляжу».

Он поймал своё отражение в витрине кафе — худощавый, темноволосый парень с умными, но слишком глубоко посаженными глазами, в которых застыла привычная настороженность.

Он чувствовал себя «неоткалиброванным» — способности были видны, но они не интегрировались в социальную среду.

Как имплант, который система распознаёт, но отторгает.

Утром в университетской столовой произошла досадная для Андрея встреча.

Неторопливо он взял поднос с едой и сел за свободный стол.

Только собрался вкусить полезную, насыщенную микроэлементами, еду - и тут...

— Привет, гений, — раздался голос над ухом.

Андрей вздрогнул и резко повернулся.

Рядом со столом стоял Артур Папаян — высокий, с идеальной осанкой и глазами цвета жжёного янтаря.

За его спиной, как всегда, появилась Даша Колосова — невероятная красотка в биокостюме, периодически меняющем оттенок.

Сейчас он был бледно-розовым — цвет превосходства.

— Слышал, тебя опять хвалили, — Артур уселся напротив, не спрашивая разрешения.

Его нейролинза поблёскивала, проецируя на зрачок какие-то данные. — Зимин, говорят, в восторге от твоих изысканий. Чистая логика, нестандартный подход... — он процитировал почти дословно. — Только вот незадача, Корнеев: чистая логика не приносит контрактов.

— А что приносит? — Андрей отложил вилку.

— Правильные знакомства, — Папаян улыбнулся. — Я вот подписал контракт с «Гефестом». Знаешь, чем буду заниматься? Адаптивные импланты для армии. Скорость реакции, усиление сенсорики, подавление болевого шока. Настоящая работа. А ты?

— Гражданская версия для восстановления нервных тканей, — сухо ответил Андрей. — Инсультники, травмы позвоночника. Никакой романтики.

— И никаких денег, — поправил Артур. — И никакого будущего. Ты, конечно, можешь и дальше играть в благородного идеалиста, но мир устроен иначе. Выигрывает тот, кто умеет монетизировать знания.

Он встал и хлопнул Андрея по плечу — жест вышел снисходительным, как похвала дрессированной собаки.

— Не вешай нос, Корнеев, — он ехидно улыбнулся. — Слышал о твоём провале с «Аргоном». Сочувствую. Пора тебе усвоить: идеалисты не выживают в этой среде. Здесь нужен не просто ум. Здесь нужна особая структура личности. Устойчивая к...

Он замялся в попытке закончить фразу.

— ...к экзистенциальной тошноте? - закончил за него Андрей.

Артур удивлённо приподнял бровь.

— Bravo. Именно это я и хотел сказать. Откуда цитата?

— Не помню. Вертится в голове.

Корнеев соврал.

Он отлично помнил, откуда эта фраза.

Но говорить об этом Артуру было необязательно.

Как и о том, что после вчерашнего инцидента с «Аргоном» у него перед глазами на долю секунды вспыхнула чужеродная строка кода — не из интерфейса кибер-пса, а из чего-то другого.

Из более глубокого слоя.

Из того, куда ему не давали доступа.

Артур обнял Дашу за талию — та прижалась к нему с готовностью, с какой биолюминесцентное растение тянется к источнику света, и они медленно двинулись к выходу.

У самой двери Папаян обернулся:

— Кстати, Корнеев. Зимин тебя искал. Сказал, что хочет обсудить твоё участие в конференции в Камнегорске. Не знаю, зачем ты ему сдался, но советую не отказываться. Это шанс. Для таких, как ты, — единственный.

Сказал и удалился.

Даша задержалась лишь на секунду, бросив на Андрея сочувствующий взгляд, и устремилась вслед за Папаяном.

Её костюм сменил цвет на холодный синий.

Андрей отодвинул тарелку и потёр переносицу.

Имплант за ухом — кортекс-чип, обеспечивающий прямую связь мозг-компьютер — слегка вибрировал.

Проблема с системой перегрева. Надо будет зайти к техникам.

«Идеалист, — подумал он. — Как будто это порок».

Он вспомнил вчерашний разговор с братом.

Саша сидел в своей комнате, окружённый голопанелями, и молчал.

Андрей рассказывал ему о практике, о кибер-псе, о том, как преподаватель назвал его талантливым учеником.

Саша слушал не перебивая, а потом сказал:

— Твой нейро-имплант во время сна выдаёт странные паттерны.

— Что? — Андрей тогда не понял.

— Я проверил твою биометрию за последнюю неделю, — Александр развернул к нему одну из панелей. На ней пульсировали графики мозговой активности. — Видишь вот эти всплески? Они нехарактерны для обычного сна. Больше похоже на попытку доступа. Как будто кто-то пытается подобрать ключ к твоему подсознанию.

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать: будь осторожен. Если заметишь чужую мысль — блокируй. Не разбирайся, не анализируй. Просто ставь блок.

Тогда он списал это на паранойю брата — профессиональную деформацию.

Саша работал в Управлении специальных дел, оператором квантового мониторинга. Его задачей было отслеживать аномалии в городских нейросетях — «цифровых призраков», как он их называл. Сбои в системе, указывающие на взломы или потери данных. Неудивительно, что ему повсюду мерещились угрозы.

Но сейчас, в пустой столовой, слова брата прозвучали по-новому.

«Если заметишь чужую мысль — блокируй».

А если он уже заметил? Если это чувство «неоткалиброванности» — не его собственное, а внедрённое? Если кто-то действительно прощупывает его мозг, как тестовый образец?

Он одёрнул себя.

Глупости.

Паранойя заразна.

В библиотеке медицинского университета под высокими потолками, усеянными световыми панелями, имитирующими дневное небо, едва слышно гудели системы климат-контроля и подавления шума.

Андрей сидел за столом из матового стекла и просматривал материалы по регенеративной медицине.

Голографический планшет проецировал схемы нейронных связей, формулы, графики выживаемости тканей.

Всё это нужно было систематизировать к завтрашнему семинару, но мысли разбегались.

— Я вам не мешаю?

Голос прозвучал прямо над ухом. Андрей вздрогнул и обернулся.

Рядом со столом стоял Валентин Николаевич Зимин, его научный руководитель.

— Валентин Николаевич... Нет, что вы, — Андрей быстро свернул голограмму с материалами. — Я просто... систематизирую данные.

Зимин хмыкнул. Он носил поношенный серый костюм, что было странно для сотрудника университета.

В руках Зимин держал не планшет, а старую, потёртую папку из настоящей кожи.

Анахронизм.

— Систематизируешь, — повторил Зимин, садясь напротив. — Корнеев, ты ведь не планируешь после выпуска идти в обычную клинику чистить сосуды пенсионерам?

Андрей моргнул.

— Не думал об этом так категорично. Есть варианты.

— Варианты — это для тех, кто играет по правилам. — Зимин наклонился ближе. — А ты, я смотрю, в топ-десять по теории нейросинтеза, но на практике прячешься в библиотеке.

— Я готовлю материал.

— Ты прячешься, — отрезал Зимин. — От собственного таланта и успешного будущего.

Андрей промолчал. Зимин был прав, и это злило больше всего.

Профессор протянул папку.

— Взгляни.

Андрей колебался секунду, затем взял её. Кожа была тёплой. Он открыл папку. Внутри не было цифровых носителей — только бумажные листы с печатным текстом.

Андрей встревожился.

Бумага в Универе использовалась только для документов высшей секретности.

— Что это?

— Программа студенческой конференции. В Камнегорске.

Андрей поднял брови.

— Камнегорск? Но там же закрытая зона. Заповедник. Рядом промышленный кластер «Дельта». Туда даже дроны без разрешения не залетают.

— Именно поэтому там и будет интересно, — Зимин усмехнулся, но усмешка вышла холодной, почти чужой. — Обычные конференции — это показуха. Доклады, которые пишут нейросети, аплодисменты по расписанию. А в Камнегорске... там реальные кейсы.

Андрей переворачивал страницы. Его взгляд скользил по заголовкам, и кровь в жилах начинала бежать быстрее.

«Посттравматическая мутация тканей в условиях аномального излучения».

«Экспериментальные протоколы реанимации при остановке био-ритмов».

«Симбиоз органики и нанороботов: полевые испытания».

— Это же запрещённые темы, — прошептал Андрей. — Валентин Николаевич, за изучение этого могут аннулировать лицензию.

— Могут, — спокойно согласился Зимин. — А могут и выдать новую. За этими исследованиями — будущее.

Он кивнул в сторону окна, где в полумраке библиотеки угадывались силуэты Артура и Даши.

Они стояли вместе у панорамного стекла, выходящего на неоновые шпили города.

— Папаян поедет, — сказал Зимин тихо. — Колосова тоже. Они едут за статусом, за строчкой в резюме. А ты ещё раздумываешь?

Андрей снова посмотрел на листы. Строки словно пульсировали.

Его имплант за ухом вибрировал, реагируя на скрытые коды в тексте программы.

Это было не просто исследование. Это было приглашение в другую лигу.

«Зачем он мне это предлагает? — мелькнула мысль.

— Почему я? — спросил Андрей.

Зимин впервые посмотрел ему прямо в глаза. Его зрачки сузились, фокусируясь.

— Для настоящей науки нужен не просто ум, а особая структура личности. — Он помедлил, и в его голосе прорезался какой-то новый, почти интимный оттенок. — Способная смотреть на вещи, от которых другие отводят глаза.

Андрей закрыл папку и задумался.

— Когда выезд? — спросил он.

Голос прозвучал хрипло.

— Завтра. Шесть утра. Северный терминал, сектор семь.

Зимин встал, поправил костюм.

— Решай сейчас, Корнеев. Список закрывается через минуту. Больше уговаривать не буду.

Он повернулся, чтобы уйти, но Андрей остановил его.

— Я поеду.

Зимин не обернулся, но Андрей увидел, как напряглись его плечи.

— Хорошо. Не бери лишних вещей. Там всё, что нужно, предоставят. И, Андрей... — он обернулся наполовину, и в этот момент его лицо показалось Андрею чужим, а профиль — маской Чумного доктора с птичьим клювом. — Забудь о том, что ты видел в этой папке. — Он ушёл, растворившись между стеллажами с био-кристаллами.

Андрей остался один в библиотеке.

Он коснулся пальцами импланта за ухом.

«Камнегорск, — подумал он. — Что ты скрываешь?»

Пока Андрей собирал вещи, голограмма с материалами погасла, уходя в сонный режим.

Он сложил вещи в сумку и вышел в коридор.

Дверь библиотеки закрылась с тихим шипением — система герметизации сработала безупречно.

Световые панели на потолке мигнули, сменив белый спектр на тревожный оранжевый, но он этого уже не заметил.

В голове крутилась одна и та же фраза: «Для настоящей науки нужна особая структура личности».

Он вдруг понял, что это был не комплимент.

Это был отбор.

Его выбрали.

И его ждут.

Глава 2

Ровно в пять тридцать утра Андрей Корнеев стоял у панорамного окна Северного терминала и наблюдал, как техники в серых комбинезонах готовят к вылету электrolёт, призванный доставить их до Камнегорска — матово-чёрную капсулу с логотипом транспортной компании «Дельта» на борту.

Электrolёт был старой модели, но модифицированной — Андрей заметил дополнительные графеновые накопители, встроенные в крылья, и усиленные подкрылки из самовосстанавливающегося композита.

Его нейролинза услужливо подсветила спецификации: запас хода увеличен на тридцать процентов, шумоподавление класса «Стелс», система аварийного сброса на антигравках.

Серьёзная машина.

Слишком серьёзная для студенческой конференции.

— Корнеев, ты как всегда — пялишься в окно, пока жизнь проходит мимо. — Артур Папаян возник у него за спиной бесшумно, как дрон-разведчик. Его кортекс-имплант на этот раз был активирован в режиме «пассивного сканирования», а нейролинза отбрасывала на зрачок слабый красноватый блик — признак того, что он параллельно просматривает какой-то закрытый канал.

Контракт с «Гефестом» давал ему доступ к протоколам, о которых обычные студенты даже не слышали. — Или ты уже просчитываешь пути к отступлению?

— Изучаю транспорт, — сухо ответил Андрей. — Ионники этой серии сняли с производства три года назад. Слишком высокий процент отказов антиграв-компенсаторов. Интересно, почему нас везут именно на нём?

Артур хмыкнул и поправил воротник своего костюма. Он явно нервничал, хоть и не подавал виду.

— Ты бы лучше думал о докладе, Корнеев. Конференция в Камнегорске — это не заурядный студенческий семинар. Там будут представители «Заслона», а может, и люди из Управления специальных дел. Если хочешь получить грант на свои исследования — самое время блеснуть.

«Блеснуть». Ему легко говорить. У него контракт в кармане, имплант «Энхансер», ускоряющий рефлексы и память, и невеста с модельной внешностью — Даша как раз скользнула по проходу, её костюм переливался перламутровым, а в руках она держала стаканчик с дымящимся кофе, пахнущим корицей и молоком.

Даша улыбнулась Корнееву — вежливо, отстранённо, как улыбаются экспонату в музее, — и взяла Артура под руку. Её костюм сменил оттенок на бледно-розовый.

— Не обращай на него внимания, Андрей, — сказала она. — Ты же знаешь, Артур любит казаться циничнее, чем есть на самом деле.

Андрей не ответил.

Слова застряли где-то в горле, как всегда, когда он пытался говорить с ней.

«Неоткалиброванный», — мелькнуло в голове.

Его социальный модуль давал сбой при контакте с людьми, чьи биосенсоры настроены на другую частоту.

Он отвернулся к окну, случайно прикоснувшись к его поверхности.

«Умное стекло» мгновенно вывело на поверхность данные о погоде: давление падает, вероятность осадков — пятнадцать процентов, ветер юго-западный, умеренный. Всё под контролем.

Кроме него самого.

Электролёт поднялся в воздух ровно в шесть, бесшумно скользнув над жилыми кварталами.

Андрей Корнеев занял место у иллюминатора и включил режим затемнения, чтобы не видеть, как город медленно превращается в размытое пятно.

В салоне пахло пластиком и дезинфектором — автоматическая система очистки только что закончила цикл. Мягкий гул ионных двигателей почти не проникал сквозь шумоподавление, и можно было расслышать, как переговариваются остальные пассажиры.

Кроме их троих — Андрея, Артура и Даши — в салоне находились ещё двое.

Корнеев заметил их сразу, как только вошёл.

Вернее, сначала услышал.

— Да говорю тебе, это не естественная структура! — Парень, явно моложе Андрея, с рюкзаком, из которого торчала антенна портативного георадара, горячо спорил с девушкой, сидевшей рядом.

— Вань, я смотрела отчёты, — отвечала она спокойно, но в голосе пробивались нотки усталости человека, который повторяет одно и то же в сотый раз. — Аномалии под заповедником могут быть вызваны карстовыми пустотами. Это не обязательно подземная база пришельцев.

— Карстовые пустоты не дают такого отражения на спектрограмме! — Парень чуть не подпрыгнул на месте. — Там есть металл. Много металла. И пустоты с идеально ровными краями, понимаешь? Их как будто специально вырезали. Лиза, я серьёзно!

Корнеев невольно улыбнулся. Этот парень напоминал ему брата, когда тот увлекался очередной загадкой из архивов Управления. Та же одержимость, тот же азарт в глазах.

Парень, заметив взгляд Андрея, мгновенно переключился на него.

— Ты тоже на конференцию? — спросил он, подавшись вперёд.

Его глаза заблестели.

— Я Иван Дядечкин. Геоинженер, второй курс. А это моя сестра, Лиза.

Девушка кивнула, не переставая просматривать данные на голографическом планшете.

У неё была довольно приятная внешность: густые волосы пепельного оттенка, собранные в пучок, кожа с лёгким загаром и внимательный взгляд серых глаз, которым она на минуту наградила нового собеседника.

— Лиза Дядечкина, — представилась она. — Специализация — социальная инженерия. Еду с докладом о поведенческих паттернах в изолированных группах. А ты, судя по нашивке, — медициной занимаешься?

Андрей кивнул, чувствуя, как напряжение понемногу отступает. Эти двое были не из «золотого фонда». От них не веяло холодом и превосходством. Простые ребята, увлечённые наукой.

— Андрей Корнеев, нейробиология, — сказал он. — Работаю над civilian-версией нейроимпланта для восстановления нервных тканей.

— Серьёзно? — Иван подался вперёд, едва не опрокинув свой рюкзак. — А ты смотрел последние публикации по морфогенетическим полям и регенерации? Говорят, можно заставить клетки «вспомнить» своё изначальное состояние, если правильно модулировать сигнал.

Корнеев открыл рот, чтобы ответить, но Артур, сидевший через проход, опередил его:

— Дядечкин Иван, ты со своими «морфогенетическими полями» договоришься до лженауки. Лучше расскажи про свой георадар. Зачем ты его вообще повёз? Думаешь, в Камнегорске найдёшь клад?

Иван ничуть не смутился. Он вытащил из рюкзака устройство размером с ладонь — матовый цилиндр с сенсорной панелью и выдвижным шупом — и протянул нам, как фокусник, демонстрирующий реквизит.

— Это молекулярный анализатор, — сказал он с гордостью. — Собственная разработка. Может определить состав любой породы за несколько секунд. А это, — он похлопал по антенне, торчащей из рюкзака, — портативный георадар. Работает на квантовых ретрансляторах. Я его сам собрал. Понимаешь? В прошлом году тестировал его в карьере под Синегорском — нашёл жилу редкоземельных металлов на глубине сорока метров. А под Камнегорским заповедником, судя по спутниковым данным, есть аномалии, которые...

— Которые могут оказаться просто старыми штольнями, — перебила Лиза, но в её голосе не было раздражения — скорее привычная забота старшей сестры, вынужденной приземлять фантазии младшего брата. — Ваня, пожалуйста, не начинай свою лекцию про подземные цивилизации. Мы ещё даже не долетели.

— А что, если это не штольни? — Иван повернулся ко Андрею, ища поддержки. — Что, если там действительно есть что-то... другое? Андрей, ты же учёный, и должен понимать: мир гораздо сложнее, чем мы привыкли думать. И иногда самые безумные гипотезы оказываются верными.

— Думаю, — медленно сказал Корнеев, — что любая гипотеза имеет право на проверку. Пока она не опровергнута фактами.

Иван просиял.

Лиза вздохнула, но уголки её губ дрогнули в намёке на улыбку. Она отложила планшет и заинтересованно посмотрела на Корнеева.

— А ты умеешь находить подход к людям, Андрей, — сказала она. — Это редкое качество. Особенно среди медиков.

Он пожал плечами, не зная, что ответить.

Подход к людям?

Скорее, он просто понимал людей, подобных Ивану.

Потому что сам был таким — «неоткалиброванным», задающим вопросы, на которые никто не хотел отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.